

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.32>

Игошина Наталья Викторовна, Прокофьева Александра Викторовна

ФРАЗЕОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В. С. ВЫСОЦКОГО НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН В. С. ВЫСОЦКОГО К ДИСКΟΣПЕКТАКЛЮ ПО СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА "АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС")

В статье в рамках актуального лингвокультурологического направления в языкознании исследуются эмоционально-экспрессивные особенности фразеологических единиц, употреблённых в песнях В. Высоцкого к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла "Алиса в Стране Чудес". Авторы предпринимают попытку реконструировать фрагмент фразеопоэтической картины мира, созданной поэтом в границах отдельного цикла песенно-поэтических произведений. Для оценки коммуникативной текстовой ситуации используется традиционная классификация фразеологизмов Р. И. Яранцева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 347-351. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Блинов Н. Н.** Лыдзонь. Азбука для вотских дѣтей. Вятка, 1867. 24 с.
4. **Бунаков Н. Ф.** Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной (1837-1905). СПб., 1909. 364 с.
5. **Ившин Л. М.** Об «Азбуке» 1867 Н. Блинова // Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI международного симпозиума / отв. ред. Л. Г. Пономарева. Пермь, 2006. С. 93-97.
6. **Ившин Л. М.** Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург – Ижевск, 2010. 236 с.
7. **Кузнецова А. И.** Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков? // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum (7.-13.8. 2000). Tartu, 2000. Pars I. Orationes plenariae & Orationes publicae. С. 93-108.
8. **Помелов В. Б.** Видный просветитель Н. Н. Блинов как ученый-методист // Педагогическое образование в Удмуртской Республике: история, проблемы, перспективы: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 130-летию образования в Удмуртии / отв. ред. А. С. Казаринов. Глазов, 2006. С. 184-198.
9. **Помелов В. Б.** Вятский священник-просветитель Н. Н. Блинов // Педагогика. 2001. № 5. С. 76-80.
10. **Помелов В. Б.** Н. Н. Блинов – видный вятский учитель-методист // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (6). С. 65-68.
11. **Помелов В. Б.** Педагогическая деятельность священника и учителя Н. Н. Блинова // Начальная школа. 2010. № 10. С. 13-20.
12. **Тепляшина Т. И.** Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
13. **Фролова Г. Д.** Просветители удмуртского народа: очерки развития педагогической мысли. Ижевск: Удмуртия, 1996. 224 с.
14. **Чехов Н. В.** Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. 224 с.

EDUCATOR N. N. BLINOV AND HIS UDMURT ABC-BOOK “LYDZON”

Ivshin Leonid Mikhailovich, Ph. D. in Philology
*The Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
ivleo.75@mail.ru*

The article examines graphical, orthographical, dialect and lexical peculiarities of one of the written monuments of the Udmurt language – the ABC-book compiled by the Vyatka teacher, educator and priest N. N. Blinov in 1967. The analysis indicated that the script and orthography practically do not differ from the writing system that was used in previously published Udmurt books. The dialect basis of the monument is the Northern Udmurt dialect. The research findings will contribute to tackling the problems of formation and development of the Udmurt literary language.

Key words and phrases: Udmurt language; written monuments; ABC-book; graphics; orthography; dialect; vocabulary.

УДК 8.80

Дата поступления рукописи: 18.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-6-2.32>

В статье в рамках актуального лингвокультурологического направления в языкознании исследуются эмоционально-экспрессивные особенности фразеологических единиц, употреблённых в песнях В. Высоцкого к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Авторы предпринимают попытку реконструировать фрагмент фразеологической картины мира, созданной поэтом в границах отдельного цикла песенно-поэтических произведений. Для оценки коммуникативной текстовой ситуации используется традиционная классификация фразеологизмов Р. И. Яранцева.

Ключевые слова и фразы: фразеологические единицы; тематические группы; фразеологическая картина мира; эмоционально-экспрессивный уровень; дискоспектакль; стихопесни.

Игошина Наталья Викторовна, к. пед. н.

Прокофьева Александра Викторовна, к. филол. н., доцент

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
natviktig13@mail.ru; prok-va@rambler.ru*

ФРАЗЕОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В. С. ВЫСОЦКОГО НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН В. С. ВЫСОЦКОГО К ДИСКОСПЕКТАКЛЮ ПО СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»)

2018 г. – год 80-летнего юбилея талантливого советского барда В. С. Высоцкого. Сегодня нет необходимости доказывать его поэтическое мастерство: за последнее тридцатилетие сформировалась самостоятельная наука – высококоведение, в которой серьёзные лингвистические исследования занимают одно из ведущих мест (В. И. Новиков, 1991 [13]; М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, 1993 [7]; А. А. Евтюгина, 1995 [5];

В. П. Изотов, 1998 [6]; Т. С. Волкова, 1999 [2]; О. А. Семенюк, 1999 [20] и др.). Филологи давно обратили внимание на виртуозное обращение поэта с фразеологическим богатством русского языка (В. П. Лебедев, Е. Б. Куликов, 1997 [11]; О. И. Литвинникова, 1999 [12]; А. В. Прокофьева, 2002 [16] и др.).

Актуальность нашего исследования заключается в том, что, несмотря на обилие работ по фразеологии В. С. Высоцкого, недостаточно изучен текстообразующий и эмоционально-экспрессивный потенциал ФЕ, употреблённых поэтом в стихопеснях к кинофильмам и спектаклям. В четырёхтомном собрании сочинений В. С. Высоцкого (ред. В. И. Новиков) указано 23 фильма и спектакля, к которым поэт написал свои песни. Безусловным лидером является цикл песен к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» (1976) [3] – 30 песен¹.

Песни к «Алисе...» не обделены вниманием филологов. Отдельные фрагменты исследованы с точки зрения межтекстовых связей (Х. Пфандль, 1990 [19]), окказионального словообразования (В. П. Изотов, 1998 [6]), особенностей рифмовки (Т. В. Ковалева, 1999 [8]), текстообразующего потенциала фразеологических единиц и особенностей их трансформаций (А. В. Прокофьева, 2002, 2010 и др. [15; 16]). В статьях А. В. Прокофьевой также затрагивались методические аспекты работы с текстами песен и фразеологизмами в них (2010 [15; 17], 2016 [18]).

Новизна исследования заключается в том, что впервые реконструирован фрагмент фразеопэтической картины мира В. Высоцкого на эмоционально-экспрессивном уровне на материале отдельного цикла песен к дискоспектаклю «Алиса в Стране Чудес», проанализированы наиболее активные тематические группы ФЕ, употреблённых в стихопеснях.

Цель исследования заключалась в анализе наиболее активных тематических групп ФЕ цикла песен к «Алисе в Стране Чудес» и сопоставлении общей и частной фразеопэтической картин мира В. С. Высоцкого.

Наша картотека фразеологических единиц (ФЕ), употреблённых в песнях к дискоспектаклю, содержит 110 устойчивых единиц различного характера, зафиксированных в 168 случаях употребления. 51 ФЕ подверглась различным трансформациям, компоненты 34 ФЕ являются, по терминологии А. С. Хрусталёва, «фразеологическими доминантами» [Цит. по: 16].

Т. В. Ковалева совершенно справедливо заметила, что «обманчивое впечатление простоты, которое, казалось бы, должно быть свойственно детским песням... быстро рассеялось, чему в немалой степени способствовал и уникальный литературный материал, и... точно соответствовавшая игровой сущности “Алисы...” тональность песен... Математические парадоксы и языковые алогизмы легко были усвоены Высоцким и развиты с великолепной непринужденностью на современном ему национальном материале» [8, с. 193].

Время написания песен – 1973-1975 гг., которые в России называли годами застоя. Данный экстралингвистический фактор обусловил социальный подтекст песен В. Высоцкого, не последнюю роль в выражении подобного подтекста сыграли и фразеологизмы. Во всех своих песнях В. Высоцкий активно использовал богатые возможности фразеологии, «не пассивно её эксплуатируя, а творчески продолжая и развивая» [13, с. 91].

По верному замечанию Д. О. Добровольского и Ю. Н. Караулова, фразеологизмы создаются для того, чтобы «интерпретировать мир, выражать субъективное и, как правило, эмоционально-окрашенное отношение говорящего (а в нашем случае – автора) к миру» [4, с. 6]. При этом рождается индивидуальная картина мира поэта-творца, которая может взаимодействовать с картинами мира других людей, а может и отличаться от них. Языковая личность не существует без эмоциональной составляющей, а картина мира «вся пронизана человеческими смыслами» [16, с. 41]. Идиомы разных языков «представляют собой “свёртки” таких речевых актов, как одобрение, неодобрение, презрение, пренебрежение, унижение, порицание, осуждение и т.п.» [21, с. 152]. Являясь эмоционально-экспрессивным языковым средством и обозначая коммуникативную ситуацию, ФЕ, по классификации Р. И. Яранцева, делятся на три основных тематические группы: **«1) эмоции, 2) свойства и качества человека, 3) характеристика явлений и ситуаций»** [22].

Рассмотрим наиболее активные тематические группы ФЕ в песнях к «Алисе...» [3]. На первом месте оказались такие эмоции, как **пренебрежение, презрение** (Гроша ломаного не стоит, голова два уха, сонная тетеря, глухая тетеря, Хорош гусь, Обогнали дурака на четыре кулака, ни бе ни ме). Далее следуют **беспокойство, волнение, переживание, тревога** (Мурашки бегут, трещать по швам, сбиться с пути, сбить с толку, не в силах, духа не хватает); **сомнение** (едва ли, должно быть, Быть или не быть?); **испуг, боязнь, страх, ужас** (Волосы дыбом, рот заткнуть); **смущение, стыд** (Глаза боится поднять, готов сквозь землю провалиться).

Остальные тематические группы, выражающие эмоции, представлены единичными примерами: **восхищение, восторг, радость, счастье** (Счастливые часов не наблюдают, дело в шляпе); **добрые пожелания, ободрение, любезность, вежливость** (Прощенья просим, Хау ду ю ду!); **удивление, недоумение, изумление** (Mop deiu! (Мой бог!)); **безразличие, равнодушие** (всё равно); **прямота, искренность, откровенность** (для души).

Сложность вызывает отнесение к определённой тематической группе междометной ФЕ чёрт поberi!, которая может выражать различные эмоции, как положительные, так и отрицательные. У В. Высоцкого этот фразеологизм трижды употребляет попугай в «Песне попугая» [Там же], причём в первых двух рефренах явно с выражением негодования, возмущения: «И чтоб отомстить, от зари до зари / Учил я три слова, всего только три... / “Карамба!”, “Коррида!” и “Чёрт поberi!”» [Там же]; «Давали мне кофе, какао, еду, / Чтоб я их приветствовал: “Хау ду ю ду!” / Но я повторял от зари до зари: “Карамба!”, “Коррида!” и “Чёрт поberi!”» [Там же].

¹ Автор дискоспектакля О. Герасимов вспоминал, что В. Высоцкий присутствовал почти на всех записях пластинок, «и показывал, и требовал» [3].

В третьем варианте куплета фраза с данной ФЕ произносится и пропеваётся уже с интонацией торжества: «Я Индию видел, Китай и Ирак. / Я – индии-и-видум – не попка-дурак. / (Так думают только одни дикари.) / “Карамба!”, “Коррида!” и “Чёрт побери!”» [Там же]. Эмоциональные нюансы можно услышать в аудиозаписи: В. Высоцкий заканчивает петь на высокой ноте [9]. Так, на примере ФЕ, функционирующей в единичном контексте, мы можем наблюдать процесс перехода ФЕ из одной тематической группы в другую.

На втором месте – группа, «выражающая свойства и качества человека» [22], в первую очередь это **уверенность, упорство, упрямство, способность к риску** (стоять на своём, стоять на своих ногах, Кто не с нами, тот против нас, гнуть свою линию, в поте лица, взять на бордаж, не ударить лицом в грязь, в первых рядах, рукопашный бой, Даёшь!, Эх, раз, еще раз!, Эй, ухнем! (на краю пропасти – не вербализовано: «Вдруг будет пропасть, и нужен прыжок...» [3])).

И снова единичные примеры тематических групп: **праздность, лень, бездействие** (сонная тетеря); **болтливость** (чесать языком); **сходство, подобие – разница, отличие** (как пила, как собака, как мышь).

Нет существенного преобладания в группах, характеризующих явления и ситуации: **целиком, полностью** (с головы до пят (от лодыжек до ладошек), все до одного); **ожидание, надежда, мечта** (синяя птица); **успех, удача, признание** (дело в шляпе); **отрицание, несогласие** (Нет в помине); **быстрота, скорость, стремительность** (Как угорелый, как угорелая кошка).

Преобладающие, на первый взгляд, ФЕ с негативной эмоциональной окраской мрачной картины в песнях не создают, в отличие от произведений В. Высоцкого в целом, где данные ФЕ отражают «особенности российского менталитета – ощущение своей мизерности, ничтожности в масштабах огромного тоталитарного государства, бесполезности проявляемых усилий, фатальное ожидание неприятностей» [7, с. 112]. Дело в том, что герои песен, как, впрочем, и герои Кэрролла, постоянно оказываются в каких-либо нестандартных ситуациях, из которых они вынуждены выбираться. Однако персонажам Страны Чудес В. Высоцкого не свойственно уныние, и активно функционирующие фразеологизмы тематической группы **уверенность, упорство, упрямство, способность к риску** являются тому доказательством. Учтём к тому же, что кэрролловские реалии становятся у поэта средствами выражения социальной сатиры [2].

Заметим, что в результате трансформаций некоторые ФЕ теряют свою отрицательную коннотативную окраску или изменяют тональность: например, в трансформе «Да, я не трус – но я боюсь, что обо мне вы слышать не могли» («Песенка-представление Робин Гуся») [3] происходит сдвиг в семантике благодаря тому, что придаточная изъяснительная часть расширяет сложносочинённое предложение «но я боюсь, что обо мне вы слышать не могли». Смысл поговорки сужается, автор делает акцентировку на причине страха героя. В результате стихотворная фраза прозаизируется, воспринимается как свободное многочленное предложение, и если в подтексте у присловья *Я не трус, но я боюсь* реализуется значение ‘испытывать страх, ужас’ (причина при этом должна быть довольно существенна), то трансформа уже выражает значение опасения, вызванного вполне конкретной причиной, которая заключается в боязни неизвестности Робина Гуся.

Разговорное выражение *хорош гусь!* характеризует мошенника, ловкача и выражает неодобрение [14]. Но во фразе Робина Гуся «...хорош я гусь!» [3] ФЕ буквализируется, происходит растяжение структуры благодаря местоимению *я* первого лица, в результате чего отрицательная коннотативная окраска исчезает, а сама ФЕ перемещается из тематической группы **презрение** в тематическую группу **занайство, бахвальство**. Трансформа *дыбоволосые* (исходная ФЕ *волосы дыбом*) в строчке «Эй вы, стукозубые! / и дыбоволосые!» [Там же] из тематической группы **страх, ужас** переходит в группу **физическое состояние человека**, т.к. окказиональное образование *мурашкокожанные* выражает ощущение холода у героев, которые устроили скачки, пытаясь согреться.

Значение призыва, просьбы появляется в концовке «Песни о планах» у ФЕ *гнуть свою линию* благодаря употреблению глагольного компонента в форме императива: «Гните свою линию / пунктиром! / Не теряйте – там-там-тира – / Линию пунктира!» [Там же]. В примере с ФЕ *гнуть свою линию*, образное основание которой активизирует «своеволие, воспринимаемое негативно, если оно наносит урон интересам контрагента» [21, с. 255], актуализируется положительная коннотативная сема, так как в контексте данная ФЕ призывает не к упрямому отстаиванию своих интересов, а к соблюдению логики и последовательности в действиях и поступках.

ФЕ могут изменять местоположение в тематических группах: из групп с положительной модальностью переходить в группы с отрицательной. Данное явление наблюдается, к примеру, в строчках «Песни об обиженном времени»: «Но... плохо за часами наблюдали / счастливые / И нарочно Время замедляли трусливые, / Торопили Время, понукали / крикливые...» [3]. Крылатое выражение (КВ) *Счастливые часов не наблюдают* инверсируется, в структуру вставляется компонент *плохо*, компонент *не* исчезает, в результате чего отрицательная коннотация сменяет положительную. Мы видим, как это КВ контаминирует в подтексте с советскими лозунгами: *Советские люди – счастливые люди*. ФЕ семантически трансформируется, у неё появляются потенциальные социальные семы: *счастливые* – это советские люди, советское общество, *часы* – политическая обстановка. Таким образом, «трансформа *Плохо за часами наблюдали счастливые* в подтексте реализует окказиональную семантику ‘советские люди не уследили за развитием политической обстановки’, а сама ФЕ под влиянием трансформации приобретает не свойственную ей ироническую коннотацию» [16, с. 127].

Подобный пример мы находим в этом же стихотворении в строке «Торопили, время, понукали / крикливые» [3], где в подтексте звучит невербализованное КВ-цитата *Время, вперед!* из драмы В. Маяковского «Баян». Это КВ, как правило, призывает к интенсивной работе, к энтузиазму [1] и отличается положительной коннотативной окраской. Но в контексте «Песни об обиженном времени...» эта ФЕ меняет свое положительное

образное основание, т.к. символизирует собой уже не трудовой энтузиазм, а обычную штурмовщину – явление, свойственное трудовым советским будням эпохи застоя.

А вот ФЕ *синяя птица*, употреблённая в «Причитаниях гусеницы» [3], своей положительной коннотации не меняет. На тематическом плане реализуется сема ‘мечта о счастье’ [14], т.к. Синяя гусеница, хотя и противопоставляет себя Синею птице, но мечтает всё же превратиться в бабочку и воплотить в жизнь все осуществимые планы.

Тематическая группа *смерть*, столь характерная для поэта, представлена одной ФЕ *кондрашка хватила*, помещённой к тому же в юмористический контекст: «И просто *кондрашка хватила* пашу, / Когда он узнал, что еще я пишу, / Читаю, пою и пляшу» («Песня попугая») [3]. В песнях отсутствует характерная для Высоцкого междометная ФЕ с союзом *хоть*, содержащая семы ‘отчаяние, бессилие’.

В песнях к Алисе представлены следующие герои: Алиса, Додо, Белый Кролик, Чеширский Кот, Мартовский Заяц, Шляпник, Соня, Лягушата, Ящерка Билли и лягушонок Джимми, Антиподы, Орленок Эд, Атака Гризли, Мэри Энн, Попугай. Прежде всего, конечно, необходимо нарисовать фразеологический портрет главной героини, для которой В. Высоцкий написал семь песен: «Песня Алисы», «Падение Алисы», четыре «Песни про цифры», последняя называется «Путаница Алисы» (третья песня «До мильона далеко» не вошла в спектакль), «В море слез», «Песня о планах» [Там же]. Алиса упоминается также в заглавии песни «Додо, Алиса и Белый Кролик» [Там же], однако её присутствие в тексте песни вербально не выражено.

В речи Алисы звучат следующие ФЕ: *всё равно, летучая мышь, шалишь!, Северный Ледовитый океан, принимать ванну, один на один, что ли, поваренная соль, начальный счёт, до одного, глаза боится поднять, эх, раз, ещё раз, сбить с толку, голова два уха, духа не хватает, обогнали дурака на четыре кулака, сбиться с пути, ходить по пятам, гнуть свою линию*.

Косвенную речевую характеристику Алисе можно дать, и опираясь на текст песни «Про Мэри Энн» [Там же], где Алиса рассказывает о своей однокласснице, употребляя при этом весьма нелицеприятные выражения, среди которых просторечные ФЕ с отрицательной коннотацией: *спала на ходу, визжала как пила, ни бе ни ме, сонная тетеря, глухая тетеря*. Алиса Л. Кэрролла отзывается о своей подруге куда мягче, чем Алиса В. Высоцкого. Заметим, что у Кэрролла подругу Алисы зовут Мэйбл, а Мэри Энн – служанка Белого Кролика. Имя, очевидно, выбрано как более доступное для русского произношения и слухового восприятия, к тому же оно лучше рифмуется и ложится в песенную строку.

Не следует забывать и тот факт, что героиня – всего лишь семилетний ребенок, который является в меру умной и любознательной девочкой, к тому же немного максималисткой, что свойственно многим детям ее возраста. Алиса В. Высоцкого, как и Алиса Л. Кэрролла, – девочка неглупая, любознательная, учтивая и доверчивая. Она не боится нового и любит учиться. Л. Кэрролл так отзывался о своей героине: она была «любопытна до крайности, с тем вкусом к Жизни, который доступен только счастливому детству, когда всё ново и хорошо, а Грех и Печаль всего лишь слова... которые ничего не значат» [10, с. 11]. Поэтому в ее речи звучит большая часть номинативных ФЕ-штампов и профессионализмов: *поваренная соль, начальный счёт, музыкальный слух, устойчивые названия летучая мышь, Северный Ледовитый океан*. Ведь дети очень любят вслед за взрослыми повторять умные слова и выражения.

С помощью фразеологизмов рисует В. Высоцкий также следующих персонажей: Мэри Энн: *спала на ходу, визжала как пила, ни бе ни ме, сонная тетеря, глухая тетеря*; ключевая текстовая фразеологическая сема – ‘неблагополучие’; героиня предстаёт перед нами как отрицательный персонаж. Антиподы: *готов сквозь землю провалиться (от стыда), провалиться мне на этом месте, честь по чести стоять на своем, стоять на своих ногах, Кто не с нами, тот против нас*; ключевая текстовая фразеологическая сема – ‘упорство’. Соня: *покажите интерес, в общем, спать без задних ног, не садись не в свои сани*. Чеширский Кот: *Чеширский Кот, языком чесать, домашний скот, на ты*. Робин Гусь: *не робкого десятка, Я не трус, но я боюсь, хорош гусь, Гуси Рим спасли*; ключевая текстовая фразеологическая сема – ‘смелость’. Атака Гризли: *заборная литература, заборная истина, в знак, Истина рождается в спорах*; ключевая текстовая фразеологическая сема – ‘истина’. Участники королевского шествия: *всё равно, падать на колени, преклонить колени*; ключевая текстовая фразеологическая сема – ‘покорность’.

Наиболее яркая фразеологическая характеристика дана антиподам. Они серьёзны и законопослушны, упрямы, довольно воинственны и чужого мнения не принимают. В то же время осколок фразеологической картины мира поэта наблюдается во фрагментах песен, где функционируют ФЕ с отрицанием *не*: «Кто не с нами, те антипяты!» [3].

Параллельное употребление штампа и фразеологизма может выразить сомнение героев и социальный подтекст. Лягушата, сторожащие дом Герцогини, решают вопрос «Впустить или не впустить?» (образование по модели на базе шекспировского КВ *Быть или не быть?*): «А если рискнуть, а если *впустить*, / То *выпустить* ли обратно?... / Вопрос посложней, чем “*быть – иль не быть*”, / Решают лягушата» [Там же]. Перед нами, безусловно, тонкий намёк на работников службы государственной безопасности, решающих вопрос о въезде-выезде за границу советских и иностранных граждан.

Вывод: фразеопэтические картины мира цикла песен к «Алисе...» и в произведениях В. Высоцкого в целом на эмоционально-экспрессивном уровне совпадают лишь частично. Последнее не удивительно, ибо всё-таки в первую очередь это песни игровые, сказочные, юмористические. Однако «доминирующий социальный мотив» [2] песен нередко обуславливает употребление ФЕ в ироническом, пародийном контексте, в результате чего они приобретают нехарактерное социальное сатирическое звучание.

Список источников

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. 642 с.
2. Волкова Т. С. Сатирическое начало в песнях В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Вып. 3. Т. 2. С. 239-244.
3. Высоцкий В. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 4-х т. Т. 3. Песни. Стихотворения. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=101325> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5-15.
5. Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 1995. 200 с.
6. Изотов В. П. Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря. Орел: Изд-во Орловского гос. ун-та, 1998. 85 с.
7. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Творчество В. Высоцкого в зеркале устной речи // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 97-113.
8. Ковалева Т. В. Концепция рифмы в песенном цикле «Алиса в Стране Чудес» // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Вып. 3. Т. 2. С. 192-207.
9. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес [Электронный ресурс]: музыкальная сказка. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T6qXUWVtYdo>. (дата обращения: 15.02.2018).
10. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Н. Демуровой. М.: Наука, 1991. 368 с.
11. Лебедев В. П., Куликов Е. Б. Поэтическая фразеология В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1997. Вып. 1. С. 159-176.
12. Литвинникова О. И. Фразеология в литературно-художественном стиле В. С. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Вып. 3. Т. 2. С. 199-207.
13. Новиков В. И. В Союзе писателей не состоял. Писатель Владимир Высоцкий. М.: Интерпринт, 1991. 224 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
15. Прокофьева А. В. Особенности индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц в стихопеснях В. С. Высоцкого к дискоспектаклю по сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвященный юбилею доктора филологических наук, проф. С. Г. Шулежковой / ред. Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. Магнитогорск, 2010. С. 213-216.
16. Прокофьева А. В. Текстобразующие функции фразеологических единиц в поэзии В. С. Высоцкого: дисс. ... к. филол. н. Магнитогорск, 2002. 294 с.
17. Прокофьева А. В. Факультативный урок по фразеологии. Стихотворение В. Высоцкого «Марш антиподов». III класс // Начальная школа. 2010. № 1. С. 44-48.
18. Прокофьева А. В., Якушко И. П. Авторская песня как средство формирования нравственных ориентиров младших школьников // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2016. Т. 2. № 4 (10). С. 29-32.
19. Пфандль Х. Текстовые связи в поэтическом творчестве В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1997. Вып. 1. С. 224-250.
20. Семенюк О. А. Языковые черты эпохи в песнях В. С. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Вып. 3. Т. 1. С. 83-89.
21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
22. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Рус. яз., 1981. 304 с.

**V. S. VYSOTSKY'S PHRASEO-POETICAL WORLDVIEW AT THE EMOTIONAL-EXPRESSIVE LEVEL
(BY THE MATERIAL OF V. S. VYSOTSKY'S SONGS FOR THE DISCO-PERFORMANCE
ON L. CARROLL'S TALE "ALICE IN WONDERLAND")**

Igoshina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy
Prokof'eva Aleksandra Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
natviktig13@mail.ru; prok-va@rambler.ru

The article within the relevant linguo-culturological trend in linguistics analyzes the emotional-expressive peculiarities of the phraseological units used in V. S. Vysotsky's songs for the disco-performance on L. Carroll's tale "Alice in Wonderland". The authors try to reconstruct the fragment of the phraseo-poetical worldview created by the poet within the single cycle of melodious poetical works. To evaluate the communicative textual situation the authors use the traditional classification of phraseological units proposed by R. I. Yarantsev.

Key words and phrases: phraseological units; thematic groups; phraseo-poetical worldview; emotional-expressive level; disco-performance; songs-rhymes.